

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ПРИЗМЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (опыт обзора актуальных направлений исследования)

А. Н. Курюкин,
кандидат политических наук

На широком теоретическом материале рассматриваются актуальные направления исследования политической власти. Выявляются закономерности возникновения и развития строго научных взглядов на политическую власть как явление и общественный процесс. Определены современные тенденции развития теоретического осмысления политической власти применительно к этапам её эволюции. Рассмотрены наиболее актуальные технологические модели осуществления политической власти.

The broad theoretical material considered relevant areas of the study of political power. Reveals the patterns of occurrence and development of a strictly scientific views on political power as a phenomenon and a social process. Determined the current trends of development of theoretical understanding of political power in relation to the stages of its evolution. The most urgent technological model of exercising political power.

Ключевые слова: власть, политическая власть, субъект власти, объект власти, теории власти, технологии власти, процесс осуществления власти.

Key words: power, political power, the subject of power, the object of power, the theory of power, technologies of power, the implementation of power.

Автор, рассматривая власть как явление, основывается на лингвистическом толковании этого термина, так как, несомненно, именно это слово определяет рассматриваемое явление только в лексическом запасе русского и ряда других славянских, родственных ему языков. Лингвистические трактовки этого термина непосредственно связаны с волевым компонентом осуществления той или иной деятельности. Иначе говоря, в ракурсе этимологии, сущность власти (от древнерусского «волость» или славянского «volditi») заключается в переносе способности реализовывать свою волю по отношению к имуществу на собственное поведение и, что более важно, поведение других людей.

В западноевропейских языках термин «власть» происходит от латинского «potere» (Vulgar Latin). В свою очередь, это слово происходит от корня «posse» – глагола, определяющего категорию возможности, потенциал. Британскими лингвистами он интерпретируется как: «быть способным к...». При этом этимологические толкования понятия «power» сводятся лингвистами к «способности к действию или производству определенного эффекта». Эта трактовка развивается далее в основное толкование, которое заключается в «способности оказывать на кого-либо действие или эффект».

В общенаучном обороте при лингвистическом анализе термина «власть», в его проекциях для англоязычной политологической лексики, иногда встречаются утверждения о синонимичности понятий «power», «authority» и «staff». Это не так. По сути дела английские слова «power», «authority» и «staff» раскрывают перед нами разные грани исследуемого нами понятия. Власть как суть и способность к реализации своей воли выражается английским словом «power»; властные институты и органы власти определены как «authority»; и, наконец, конкретные представители власти (органов власти) – «staff».

Осмысление методологических подходов к формулированию определения власти в американской науке можно отнести к середине 70-х годов XX века. Одной из первых работ, посвященных этому вопросу, стала работа И.С. Макмиллана «Стратегии формирования политических концепций», вышедшая в 1976 году¹. В ней он предложил два основных подхода к осмыслению власти и формулированию ее определений: объективный и субъективный, основанием для выделения которых стали предмет анализа и его способы. Обобщая подходы, предложенные им в работе, Макмиллан предлагает собственные определения власти: спо-

¹ MacMillan I.C. Strategy Formulation: political concepts, St Paul, MN, West Publishing. 1978.

способность изменять актуальную ситуацию (Power is the capacity to restructure actual situations.); воздействие – способность контролировать и изменять поведение других (Influence is the capacity to control and modify the perceptions of others.)

Другой важнейшей работой, обобщающей и анализирующей подходы к методикам выработки концепций власти и формулирования ее определений, стала вышедшая в 2005 году книга Стивена Льюкса «Власть: радикальный взгляд»¹. Исторически первым возник одномерный подход (One-Dimensional view of Power). Его господство, по мнению С. Льюкса, протекало вплоть до середины 60-х годов XX века. В соответствии с этим подходом, власть представляется как преднамеренный и активный процесс. Исходя из этого исследование, концептуализация и формулирование определений должны осуществляться только на основе ее объективных проявлений.

Вторым, по мнению С. Льюкса, выступает двумерный подход (Two-Dimensional View of Power). Также он именуется компетентным (Qualified). В его сути С. Льюкс выделяет упор, который сделан на заметные конфликты во всех их проявлениях, использование упрощенных бихеивористических схем при исследовании процесса принятия решений и воздействия на восприятие и предпочтения объектов власти с целью недопущения недовольств и консервации сложившейся политической ситуации.

Третий подход назван им трехмерным (Three-Dimensional View of Power). С. Льюкс утверждает, что он концентрируется на трех основных моментах, представляющих собой не совпадающие измерения политической власти:

1. Многовекторное рассмотрение потенциальных политических вопросов без их излишней «политизации».
2. Анализ индивидуальных политических решений.
3. Исследование действий социальных сил и институциональных практик.

Исходя из этого, С. Льюкс в ракурсе третьего подхода, формулирует определение политической власти в призме разграничения собственно власти как таковой и структурного детерминирования поведения индивидов и групп. Власть, таким образом, есть альтернатива, реализация заложенной в сам процесс возможности действовать недетерминировано, т.е. иначе.

Рассматривая проблему интерпретации теорий власти как основу формирования ее определения, необходимо отметить, что сегодня они осуществляются в рамках их классификаций. Одной из первых и традиционных классификаций является историческая. В ее рамках, применительно к каждому историческому периоду, в зависимости от господствовавшей тогда политической или религиозной идеологии и научной парадигмы и формулируется обобщающее определение власти. Другой крупной классификацией является отраслевая. В ее рамках концептуализация власти и формулирование ее определения осуществляется в пределах той отрасли современной науки, в специфике которой происходит изучение власти как предмета исследований, формулируется ее концепция и предлагается определение. Наконец, третьим крупным блоком классификаций являются авторские. Они обобщают теоретические подходы к формированию определения власти в ракурсе авторской точки зрения (например, концепция Вятра, концепция Токарева).

Теперь несколько слов об авторском подходе. Он заключается в рациональном объяснении власти как способности и возможности субъекта реализовывать свою правящую волю в деяниях объекта². При этом важнейшими аспектами этого определения выступит соотношение категорий: «способности и возможности» и «деяний».

Теоретические подходы к эволюции власти могут быть разделены на две большие группы: общие и частные. Первую группу составят теории эволюционного развития власти, рассматривающие ее вообще и выстраивающие эволюционную хронологическую последовательность этапов и фаз развития с точки зрения генерального принципа, уложенного в основание теории. Вторую группу составят концепции, в которых выделяется конкретный частный вопрос практического осуществления власти или аспект ее исследований, в призме которого и формируется эволюционная линия развития власти в истории современной цивилизации.

Одним распространенным подходом первой группы можно назвать концепцию, предложенную профессором Сассекского университета П. Личфордом, в которой он, базируясь на историческом пути развития теорий осмысления власти, выделяет следующие направления формирования единой эволюции власти³. Итак, для М. Вебера эволюция власти – это эволюция типов мышления, новые формы которой

¹ Lukes S. Power: A Radical View, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2005.

² Авторская модификация определения.

³ См.: Letchford P. Policy. Power and Legitimacy. Univ. of Sussex press, 2009. – 286 p.

появляются только тогда, когда возникает новый тип мышления и свойственный ему новый тип легитимации власти. С точки зрения А. Грамши, суть эволюции власти в сопротивлении угнетению одних классов другими. Поэтому формы власти есть формы угнетения и, напротив, – формы сопротивления угнетателям. Наконец, с точки зрения теории М. Фуко, эволюция власти есть эволюция дискурсов, а ее формы – это формы самодисциплинирования социума, реализующиеся на микрополитическом уровне.

Другим подходом этой же группы, который назван проблемным, будет выступать подход, предложенный Энн Кингсолвер¹. Главное отличие данного взгляда на власть и её эволюцию заключается в рассмотрении ее в чистом виде, не сводимом к физическому доминированию или реализации символических полномочий. Исходя из этого спектр рассмотрения эволюции власти в антропологии несколько шире и включает в себя три основных направления и, соответственно, разновидности власти:

1. Между отдельным лицом и группой, легитимизирующееся в форме признанного или редистрибутивного лидерства.
2. Между двумя группами, выражающееся в колониальном доминировании.
3. Между людьми и энергетическими ресурсами окружающей их среды (как власть коллективности организовывать и поддерживать свое существование).

В отечественной науке вопросам генезиса и эволюции политической власти, по словам Л.Е. Куббеля, не уделялось ранее достаточного внимания². Основной упор был сделан на формировании и этапах развития классового общества, где генезис и эволюция власти сводилась к генезису (политогенез) и эволюции таких институтов, как государство и право. Исходя из этого предлагалась упрощенная эволюционная модель, где возникновение новых форм власти увязывалось напрямую с пятичленной лестницей сменявших друг друга формаций (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм).

Мощная критика этого подхода была дана с точки зрения осмысления вопросов эволюции власти на Востоке. Острота данного вопроса поддерживалась ещё и тем фактом, что Восток, без сомнения, является колыбелью современной цивилизации и, как следствие, источником власти как явления в современном нами понимании. Анализируя власть на Востоке, были сделаны выводы о том, что он представлял собой фактически застывшую форму организации и осуществления власти, свойственную «азиатскому способу производства», при которой главным собственником земли выступало государство. Таким образом, эволюция власти на Востоке может быть сведена к консервации положения, при котором государство, будучи главным собственником, верховным сувереном, не выражает ничьи интересы, кроме своих, и, становясь государством деспотическим, противопоставляет себя обществу и подавляет его собой³.

Анализируя частные концепции эволюции власти, необходимо отметить, что сегодня наибольшее распространение получили трёхчленные концепции. Одной из таких концепций может быть названа концепция С. Льюкса, рассматривавшаяся выше, где в основание выделения этапов эволюции власти положены три последовательно появившихся взгляда на власть. Другую концепцию предложил наш соотечественник А. Бардаков, принявший за основание выделения этапов эволюции власти эволюцию форм коллективной жизни человеческого общества, которым последовательно свойственны такие формы власти, как самоорганизация, управление и самоуправление⁴. Идентичный подход, с несколько иными выводами, предложен в работе канадского специалиста Грехема Буккера. По его мнению, власть в нашем обществе прошла три последовательные стадии: принуждение, управление и демократию⁵. Наконец, одну из последних концепций такого же толка предложил профессор университета Мэриленд Герберт Х. Верлин⁶. Основой формирования эволюционной концепции здесь стала сформулированная им теория «политической гибкости» (Political Elasticity), которая является важным свойством и непременной

¹ См.: Kingsolver Ann E. Power // Modern dictionary of Anthropology. N.Y. Bookrags, 1998.

² См.: Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической энографии. – М.: Издательство «Наука»; Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 3.

³ Васильев Л.С. История Востока: В 2-х тт. Т. 1. – М.: Высш. школа, 1993. – С. 32.

⁴ Бардаков А.И. Власть и управление в формах коллективной жизни: монография. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2006. – С. 23–46.

⁵ Booker G. Coercion, Authority, Demarcation. Waterloo, OnTario, Canada, 2009. – 196 p.

⁶ Verlin Herbert H. The Evolution of Political Power in Political Development // Journal of Developing Societies. – Vol. 24. – No. 3. – 307–336 (2008).

целью любой успешной власти. Исходя из этого, власть последовательно в своем развитии проходит следующие стадии: транзитивные и не транзитивные формы власти => мягкие и жесткие формы власти => власть как ресурс и власть как отношение.

Остановимся на классификациях форм власти, которые формулируются без привязки к этапам ее эволюции. Среди них заслуживают внимания классификации: В.И. Ленина, который писал об экономической, потестарной и идеологической формах¹; Дж. Гэлбрейта, который выделял наказывающую, вознаграждающую и условную власть²; Ж.Т. Тощенко, предложившего классификацию особенных форм власти: этнократию, теократию и технократию³. Существуют также и бинарные классификации К. Шмитта (власть порядка и власть силы) и Ю. Тарнова (реальная власть и виртуальная власть)⁴.

Рассматривая технологии власти, необходимо отметить, что в нашей стране долгое время существовал подход, в условиях которого в качестве отдельного направления исследований вопросы технологии власти не поднимались. Их было принято считать частным вопросом науки об управлении общественными процессами, находящейся в системе марксистско-ленинских знаний об общественной жизни. Обобщенно советскую доктрину в отношении технологии реализации политической власти выразил в своем фундаментальном труде о социалистической законности «Основные вопросы советской социалистической законности» известный теоретик советского государства и права М.С. Строгович. По предложенной им конструкции, политическая воля советского государства выражалась в советском законодательстве, в свою очередь, инструментами реализации советских законов выступали принятые на их основе и во исполнение их подзаконные акты. Законность

же представлялась в этом случае совокупностью форм и способов обеспечения исполнения гражданами положений указанных выше законов и подзаконных актов⁵.

Американская наука рассматривала большее количество подходов к технологиям осуществления власти, но ключевым моментом здесь было то, что все они являлись по сути технологиями легитимации власти. Среди них можно выделить следующие: Инструментальный подход; Теория согласия; Концепция разумного согласия; Технология связанных обязательств; Демократическая концепция⁶.

Эти подходы фактически являются обобщением всего философского опыта современной цивилизации относительно вопросов осуществления власти в призме ее легитимации. При этом, оставаясь на приемах властвования как способах воздействия субъекта власти на объект, практически все они могут быть сведены к следующим:

- морально оправданное принуждение;
- возможность навязывать обязанности другим;
- право управлять (реализация воли субъекта в действиях объекта методами правового воздействия – авт. А.К.).

В отечественный научный и бытовой оборот термин технология осуществления политической власти пришел сравнительно недавно. Только в конце 80-х – начале 90-х годов XX века вышло несколько работ, в которых этот термин активно использовался и рассматривался, практически, как предмет исследований⁷. Одним из первых вопрос о специфических технологиях власти, присущих ее особенным ликам, поднял еще в 1996 году в работе «Три особенных лика Российской власти» член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко. По его мнению, этнократия, теократия и технократия, будучи не совпадающими формами

¹ Ленин В. И. Государство и революция. – Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 89.

² Gelbray J. Anatomy of power. N.Y., 1984.

³ Тощенко Ж.Т. Три особенных лика власти: Социологические заметки. – М.: РГГУ, 2006.

⁴ Шмитт К. Понятие политического. // Вопросы социологии. – 1992. – № 1.; Tarnow Eugen A quantitative model of the amplification of power through order. // Paper Presented at the International Political Studies Association Annual Meetings, San Francisco, CA, March 26, 2008.

⁵ Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Наука, 1966. – С. 14; также см.: Лунев А.Е. Обеспечение законности в советском государственном управлении. – М.: Юридическая литература, 1963.

⁶ Christiano T. Authority // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford University Press. 2004. – [Электронный ресурс]: <http://www.science.uva.nl/~seop/entries/authority/>

⁷ Алексеева Т.А. Власть и легитимность (эволюция немарксистских подходов в современной английской политической философии) : [в кн. Власть: философско-политические аспекты]. – М.: ИФ РАН, 1989. – С. 110–133; Авторханов А. Технология власти. – М.: СП Слово – Центр «Новый мир», 1991. – 638 с.; Батурин Ю.М. Власть и мера («точные методы» в англо-американской политологии): [в сб. Власть: Очерки современной политической философии Запада]. – М., 1989; Власть многолика / отв. ред. А.И. Уваров. – М., 1992. – С. 4–29; Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. – Л., 1991; Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. – Ростов н/Д, 1992; Технология политической власти. Зарубежный опыт. – Киев: Вища шк., 1994. – 263 с.

практической реализации власти, осуществляются посредством несовпадающих технологий.

Другой подход к формированию технологии осуществления власти использовал в своей работе «Основы политической теории» А.А. Дегтярев. Согласно его мнению, технологический аспект власти обусловлен тем, что, по сути, процесс власти есть многомерный процесс властного общения. В нем участвуют: 1) агенты; 2) ценности; 3) способы (инструментально-институционные) и 4) ресурсы. Взаимодействие между ними и представляет собой реализацию властных технологий.

По мнению В.Ф. Халипова, технология власти может быть охарактеризована как совокупность тех или иных приемов деятельности власти (властей), рассчитанная на достижение необходимого результата. Разнообразные технологии властвования (управления) включают приемы достижения, как немедленного, локального, краткосрочного эффекта (здесь порой говорят о тактике властей), так и результата решающего, крупномасштабного, фундаментального, длительного, стратегического, рассчитанного на долговременную перспективу и ведущего к ней.

Одной из последних тенденций в разработке технологий власти является квантитативный подход, предложенный Юджином Тарновым. Его исследование продиктовано вопросами: как, каким образом отдельный человек или небольшая группа лиц могут осуществлять власть, т.е. приводить к

повиновению большие группы лиц, и можно ли эту технологию использовать для усиления обыденной власти, осуществляющейся в обществе. Обобщая результаты проведенного исследования, Тарнов предлагает формулу полностью упорядоченной власти (total ordered power), которая производится сложением формул различных видов власти:

$$P_{totalordered} = P_{virtual} + P_{conformity - virtual} + P_{collective punishment - virtual}$$

или

$$P_{totalordered} = N/P + N \cdot c/P \cdot n + N/(N-1) \cdot P \cdot s.$$

Поясняя способ расчета по данной формуле, Тарнов указывает, что $n = 8$, а c и s обычно определяются коэффициентом 0,1.

В последнее время развитие получило технологическое направление, именуемое «сетевым». Одним из наиболее ярких трудов нового этапа стала работа аналитиков корпорации РЭНД Дэвида Ронфельда и Джона Аркилла «Сетевые сообщества и их войны: будущее террора, преступности и воинственности»¹. В соответствии с выводами этих авторов и тех, кто изучал эту проблему до них, эра жестких иерархических систем уходит в прошлое². В этих условиях на авансцену властного взаимодействия выходит новая форма осуществления власти – сетевые структуры (Networks). По сути, их появление возможно только в условиях формирования сетевого сообщества, использующего для связи и взаимодействия сети Интернет, развитие которых обеспечит будущее именно сетям, а не иерархиям.

¹ Ronfeld D., Arquilla J. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy. N.Y. RAND, 2003.

² Janda K., Berry J.M., Goldman J. The Challenge of Democracy. USA, 1989. – P. A-29.